

**НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВООБРАЖЕНИЕ
В КОРОТКОЙ ПРОЗЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ**

**Воробьева О.П.
(Киев)**

Все возрастающее осознание того, что связь между наукой и искусством, наукой и художественной литературой более органична и естественна, чем кажется на первый взгляд, определяет, по меньшей мере, три основных ракурса интерпретации такой взаимосвязи. С одной стороны, это признание существования некоей "третьей культуры", по Ч.Р.Сноу, как диалога между представителями точных, естественных и гуманитарных наук на каком-то общем для них пространстве (3, с.32). С другой стороны, это взаимовлияние и взаимопроникновение двух – естественнонаучной и гуманитарной – культур посредством гуманизации точных и естественных наук наряду с эмпиризацией и объективизацией гуманитарных. И, наконец, это подход, основанный на признании того, что и наука и искусство суть продукты работы человеческого воображения, в основе которых лежат единые мыслительные процессы (5, с.44; 3, с.33). Именно поэтому, читая и анализируя художественную литературу, мы не только раскрываем тайны психологии творчества, но и узнаем нечто о мышлении в целом, о природе научной мысли и о воображении как источнике научных прозрений.

Особое место в охудожествлении научного поиска занимает проза английского модернизма и, в частности, Вирджинии Вульф с её страстным интересом к миру идей и мимолетных впечатлений. Художественное воплощение в образности и повествовательных приёмах короткой прозы В.Вульф (7; 8) сути явлений, привычно интерпретируемых в терминах классической физики И.Ньютона и теории относительности А.Эйнштейна, уже привлекали внимание исследователей художественной семантики (4; 5 et al.). Однако во многом нераскрытой осталась провидческая роль писательницы в её художественных трактовках новейших достижений научной мысли – того, что связано с энергией тонких материй, эмоциональным резонансом и эмпатией как проявлениями действия зеркальных нейронов, с математической топологией, толкуемой в контексте сакральной геометрии и т.п.

Одним из путей исследовательского погружения в пространство мысли-эмоции Вирджинии Вульф является опора на идеи когнитивной науки, что вкупе с методиками концептуального анализа в их различных сочетаниях даёт возможность "увидеть" пульсацию художественной мысли писательницы, сделав текстовую ткань прозрачной.

Проводя различие между поэтикой как наукой, поэтикой как совокупностью доминантных черт авторского идиостиля и поэтиками как воплощенными в тексте фрагментами художественной картины мира, ассоциируемыми с тем или иным концептом или концептосферой, можно говорить о том, для короткой прозы В.Вульф существенное значение наряду с поэтикой ВООБРАЖЕНИЯ (б) имеет поэтика ОТРАЖЕНИЯ/РЕФЛЕКСИИ, в её буквальном и метафорическом смысле. Именно в рамках этой поэтики наиболее ярким и выпуклым предстает характерный для писательницы синтез научной рефлексии и художественного воображения.

Феномен отражения и/или рефлексии осмысливается в рассказах В.Вульф в трех основных измерениях — физическом, ментальном и коммуникативном. В своем *физическом* измерении это явление у Вирджинии Вульф ассоциируется с разнообразными естественными и искусственными поверхностями или субстанциями (такими как зеркало, оконное стекло, вода или водный бассейн, капля дождя, листок, цветок и т.п.), от которых или в которых отражается или преломляется свет, давая, как источник энергии, импульс мысли, воспоминаниям или вызывая те или иные метаморфозы. Как, например, в рассказе "The New Dress" (Новое платье), где внутренний дискомфорт героини, её комплексы преломляются через череду образов "благородных" и "безродных" насекомых:

<...> and she strained and strained (standing in front of the looking-glass <...>) to make herself see Rose Shaw and all the other people there as flies <...>. She saw herself like that — she was a fly, but the others were dragonflies, butterflies, beautiful insects, dancing, fluttering, skimming. While she alone dragged herself up out of the saucer (8, с. 49)

В короткой прозе В.Вульф своеобразие буквального отражения в том, что оно всегда аксиологически окрашено, причем характер оценки, её положительность или отрицательность, зависят от источника отражения. Все, что связано с отражением в воде, несёт позитив, как, например, в рассказе "The Mark on the Wall" (Отметина на стене):

How peaceful it is down here, rooted in the centre of the world and gazing up through the grey waters, with their sudden gleams of light, and their reflections <...>! (8, с. 44)

Везде, где появляется зеркало, дающее доступ к скрытым комплексам и уязвимостям персонажа, образ мгновенно становится отрицательным, как, например, в рассказах "An Unwritten Novel" (Ненаписанный роман), "The New Dress" или "The Lady in the Looking Glass" (Дама в зеркале), где звучат своеобразные, иногда мистические, предупреждения относительно роли зеркал в жизни человека. Сравните:

The looking-glass — no, you avoid the looking-glass (8, с.12);

People should not leave looking-glasses hanging in their rooms any more than they should leave open cheque books or letters confessing some hideous crime (8, с.87)

Отражение в оконном стекле, где преломляются все краски сегодняшнего дня и одновременно живет печальная память о днях минувших, о смертях, потерях и грехах, в анализируемой прозе может быть как позитивно, так и негативно окрашенным, причем и в рамках одного произведения, как, например, в рассказе "The Haunted House" (Дом с привидениями):

*The window panes reflected apples, reflected roses; all the leaves were green in the glass. <...> But the trees spun darkness for a wandering beam of sun. So fine, so rare, coolly sunk beneath the surface the beam I sought always burnt behind **the glass**. Death was the glass; death was between us (8, с.3, 4)*

В своем **ментальном** измерении, ориентированном на познание себя, других и жизни как таковой через их отражения в сознании индивида, в глазах и лицах других людей, Вульфовская поэтика ОТРАЖЕНИЯ несёт три основных мотива: 1) идею хрупкости собственного эго, напр., *Suppose **the looking-glass smashes**, the image [of oneself. — O.B.] disappears, and the romantic figure with the green of forests depths all about it is no longer, but only that shell of a person which is seen by other people* (8, с. 40-41); 2) мотив раскрывающе-скрывающей природы коммуникации, напр., *Have I read you right? But **the human face** <...> holds more, withholds more. <...> and **in the human eye** – how d'you define it? – there's a break – a division – so that when you've grasped the stem the butterfly's off <...> **The eyes of others** our prisons; their thoughts our cages (8, с.15); и 3) идею множественности миров, напр., *As we face each other in omnibuses and underground railways we are looking **into the mirror**; that accounts for the vagueness, the gleam of glassiness, **in our eyes**. And the novelists in future will realize more and more the importance of these reflections, for of course there is not one reflection but an almost infinite number (8, с.41).**

Коммуникативное измерение поэтики ОТРАЖЕНИЯ Вирджинии Вульф особенно отчетливо проявляется в рассказе "An Unwritten Novel", где описывается эмпатическая, почти телепатическая связь двух пассажиров поезда, во время которой рассказчица, невольно имитируя странные жесты своей визави, как будто бы читает её мысли, сравните:

<...> and while she spoke she fidged as though the skin on her back were as a plucked fowl's in a poulterer's shop-window.

<...> Then she shuddered, and then she made the awkward angular movement that I had seen before, as if, after the spasm, some spot between the shoulders burnt or itched.

<...> All she did was to take her glove and rub hard at a spot on the window-pane. <...> Something impelled me to take my glove and rub my window. There, too, was a little speck on the glass. <...> And then the spasm went through me; I crooked my arm and plucked at the middle of my back. My skin, too, felt like the damp chicken's skin in the poulterer's

shop-window; one spot between the shoulders itched and irritated, felt clammy, felt raw. <...> she had communicated, shared her secret, passed her poison; <...> I read her message, deciphered her secret, reading beneath her gaze (8, с.10–11)

Описание подобной ментальной симуляции как источника эмпатии, социализации и эмоционального резонанса почти в точности соответствует тому, что нам сей час известно о действии зеркальных нейронов (1).

Чудесным образом все три измерения поэтики ОТРАЖЕНИЯ интегрируются в рассказе Вирджинии Вульф "The Fascination of the Pool" (Очарование пруда), где пруд выступает не только как водная поверхность, отражающая и преломляющая свет, но и как хранилище памяти и генератор личностных и общекультурных воспоминаний (7, с.220-221). Странный образ "жидких мыслей и фантазий" (*liquid thoughts/ fancies*) становится менее странным, если трактовать его в терминах современной теории автопоэза, согласно которой познание не привязано к мозгу человека, "познание есть феномен, сфера действия которого охватывает весь организм" (2, с. 305). А это значит, по словам К.Перта, которого сочувственно цитирует Ф.Капра, что "белые кровяные клетки — это частицы мозга, путешествующие по всему телу" (там же). Иными словами, образ жидких мыслей приобретает в контексте современной науки свою биохимическую и физиологическую реальность.

Литература

1. Воробьёва О.П. Эмоциональный резонанс сквозь призму ментальной симуляции // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 г./ Отв. ред. Н.Н.Болдырев; Федерал. агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р.Державина. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. — С. 46-48.

2. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем: Пер. с англ. — К.: "София"; М.: ИД "София", 2003.

3. Freeman M.H. Poetry as power: The dynamics of cognitive poetics as a scientific and literary paradigm // *Cognition and Literary Interpretation in Practice* / Ed. by Harri Veivo, Bo Pettersson and Merja Polvinen. — Helsinki: Helsinki University Press, 2005. — P. 31-57.

4. Narey W. 1992. Virginia Woolf's "The Mark on the Wall": An Einsteinian view of art // *Studies in Short Fiction*. — 1992. — No. 29 (1). — P.35-38.

5. Rochette-Crawley S. 2003. Science and sentience: Imagination, space, time and optics in Virginia Woolf's short fiction // *PhiN*. — 2003. — No. 24. — P. 43-53 <<http://web.fu-berlin.de/phin/phin24/p24t3.htm>>

6. Vorobyova O. "The Mark on the Wall" and literary fancy: A cognitive sketch // *Cognition and Literary Interpretation in Practice* / Ed. by Harri Veivo, Bo Pettersson and Merja Polvinen. — Helsinki: Helsinki University Press, 2005. — P. 201-217.

7. Woolf V. *The Complete Shorter Fiction of Virginia Woolf* / Ed. by Susan Dick. — New York: Harcourt, Brace, Jovanovich, 1985.

8. Woolf V. *A Haunted House and Other Short Stories*. — San Diego etc.: A Harvest Book, Harcourt, 1972.